

Индекс УДК 811.351.12'37:28+811.161.1'37:28

Код ГРНТИ 16.31.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-122-133

П.А. МАГОМЕДОВА*

Аспекты исследования религиозного (исламского) дискурса в полиязыковом пространстве

Статья посвящена результатам междисциплинарного (теолингвистического) проекта «Исламский дискурс: теологическая мысль и коммуникация в русскоязычной оболочке», направленного на решение общей задачи формирования оригинальной обобщающей теории исламского дискурса (с её теоретической и экспериментальной верификацией) посредством установления лингвокультурологических, когнитивно-семантических, коммуникативно-прагматических и социолингвистических механизмов реализации религиозной мысли и коммуникации мусульман в языковом пространстве. Отмечено, что язык мусульманских верующих представляет собой самостоятельную микросистему, которая характеризуется особыми параметрами и реализует многоаспектные возможности функционирования. Комплексный междисциплинарный подход, который был необходим в связи с многомерностью и разноплановостью анализируемого феномена, позволил получить новые теоретические знания, вписывающиеся в общую картину как отечественной, так и зарубежной теолингвистики. Исследование осуществлялось в нескольких направлениях: 1) лингвокультурологическом (исследование языка и религии сквозь призму религиозного кода национальной лингвокультуры: особенностей содержания и функционирования концептов в пространстве как русскоязычного, так и многоязычного исламского дискурса); 2) когнитивно-семантическом (установление механизмов семантико-когнитивного моделирования ключевых концептосфер, релевантных для религиозного и языкового сознания мусульман); 3) коммуникативно-прагматическом (изучение языкового воплощения религиозной коммуникации в различных жанрах исламского дискурса: проповедь, фетва и др.); 4) комплексной разработки проблем получения адекватного перевода духовных текстов мусульман на русский язык. Описание религиозного дискурса как междисциплинарной области знаний выдвигает необходимость использования специфических методов и приёмов анализа материала, одним из которых можно считать синтез лингвосемиотического, лингвокультурологического и теоконцептологического методов, позволяющий описать содержание концепта не только на языковом и культурно-историческом уровнях, но и на духовно-мировоззренческом, в результате чего раскрываются «духовные смыслы» вероучения, репрезентированные на уровне языка.

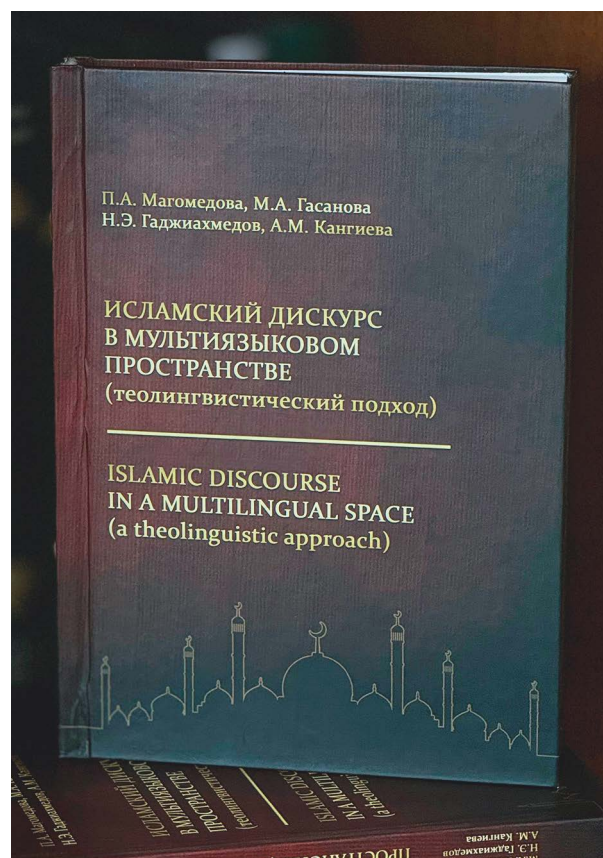
* **Магомедова Патимат Ариповна** — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Дагестанского государственного университета, руководитель проекта «Исламский дискурс: теологическая мысль и коммуникация в русскоязычной оболочке» (21-011-44245).
E-mail: p_magomedova@mail.ru

Ключевые слова: религиозный концепт, исламский дискурс, теолингвистика, религиозная коммуникация, духовные тексты, проблемы перевода, сопоставительная лингвоконцептология, полиязыковое пространство

Конец XX в. характеризовался активным интересом научного сообщества к междисциплинарному знанию, формированием и развитием междисциплинарных направлений (особенно на стыке лингвистики и других наук). Нельзя не согласиться с мнением, что именно на стыке наук стало возможным получение действительно нового знания, проясняющего подлинную сущность рассматриваемых объектов [1]. Вместе с тем учёные указывают на междисциплинарность, понимаемую как «необходимость выхода за рамки узкой дисциплины в попытке решения существенной теоретической проблемы» [2, с. 9], как основополагающий методологический принцип современной лингвистики [3]. В связи с этим актуальными видятся проблемы исследования языковой сущности религиозных текстов [4–6], описания ключевых религиозных концептов и механизмов моделирования коммуникации в рамках междисциплинарной области гуманитарного знания — теолингвистики [7, 8], сфокусированной на изучении «взаимосвязи и взаимодействия (интеракции) языка и религии в её конфессиональном многообразии» [4, с. 128].

Исламская теолингвистика в контексте междисциплинарных исследований

Понятие религиозного дискурса, неоднозначно трактуемого лингвистами и теологами, представляет достаточно многогранное и трансцендентное явление. Вместе с тем можно констатировать, что религиозный христианский (православный, католический и др.) дискурс языка достаточно многоаспектно исследован, а научные разработки в области исламской теолингвистики представлены незначительным числом работ [9–11], в том числе первым

Ил. 1. Первое монографическое исследование в области исламской теолингвистики

монографическим изданием по результатам реализованного проекта (ил. 1).

«На языковом уровне происходит накопление и концентрация смыслов, образов, концептов, канонических установок определённой конфессии, фиксирующихся в памяти и языковом сознании народа» [12, с. 153]. Это может фиксироваться в лексических и фразеологических единицах, пословично-поговорочном фонде языка, концептах, религиозных, научно-богословских, художественных и др. текстах.

Изучение религиозного дискурса позволяет существенно расширить и дополнить общую теорию дискурса и включить в круг рассмотрения как общие вопросы концептологического плана, жанровой и ценност-

ной дифференциации, так и более частные вопросы прецедентности сакральных имён и текстов.

Семантико-когнитивное моделирование фрагментов религиозной картины мира в языке

В рамках проекта осуществлено масштабное исследование механизмов семантико-когнитивного моделирования религиозной (исламской) картины мира в русскоязычном корпусе в сопоставительном (с арабским, кумыкским и дагестанскими языками/аварским/лезгинским/лакским) аспекте. Исследованы ключевые концепты Иман/Вера, Благоденствие, Харам, Грех, Молитва, Милость и Милосердие, Покаяние и Прощение, Ложь/Обман, Гордыня и др. В традиционном исламском сознании осмысленное миропонимание, регулирующее всю сознательную жизнь мусульманина, построено на ценностных смыслах священного Корана (ил. 2) и Сунны, процесс решения любой проблемы в правовой, научной, художественной и повседневной деятельности мусульманина, его отношения внутри общины и с «внешним» миром основаны на этом факте, что находит непосредственную объективацию в языковой концептуализации.

К примеру, остановимся на концепте Молитва. Семантический объём (нейтральной по отношению к конфессиональной природе) лексемы *молитва* в русском языке сопоставим с семантикой лексемы *намаз*, имеющей ограничения в употреблении (только в рамках исламского русскоязычного дискурса).

Лексикографические источники русского языка представляют семантизацию лексемы *молитва*: «1) а) Хвалебное, благодарственное или просительное обращение к Богу, святым; б) устар. Мольба, горячая просьба о чём-л. 2) Установленный текст, читаемый или произносимый верующим при обращении к Богу, к святым» [13]. Сходством сущности понятия Молитва в христианской и исламской картинах мира является его двунаправленность:

1) каноническая Молитва (рус.: *молитва*, *намаз*; араб.: *صَلَاة* *салаят*; авар.: *как*), ритуализованная в соответствии с правилами конфессии; 2) Молитва-просьба, мольба (рус.: *молитва/мольба*, *дуа*; араб.: *دُعَاء*; авар.: *дугла*), обращённая к Всевышнему в произвольной форме.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в русскоязычном православно-христианском дискурсе вербальным оператором концепта 1) и 2) выступает одна и та же лексема в разных лексико-семантических вариантах. Тогда как в русскоязычном, равно как и в авароязычном исламском дискурсе, каноническая Молитва и Молитва-просьба представлены дифференцировано: 1) рус. *намаз* — авар. *как*; 2) рус. *дуа* — авар. *дугла*. Каноническая мусульманская молитва является одним из столпов исламской религии, обязательным действием для каждого мусульманина (пятикратная молитва — *фарз/д*). Хадис гласит: «Намаз — это ми`радж верующих. Моменты, когда рабы ближе всего к Господу, — это те мгновенья, когда они смиренно и почтительно совершают намаз. Намаз — это встреча и беседа с Господом, пребывая ещё в земном мире» [14].

Заемствование из персидского *намаз* со смыслом 'поклонение' считается синонимом араб. *салаят*, переводимого как «мольба, поклонение, дуа» [15]. О тождественности значений лексем *намаз* и *салаят* говорит и тот факт, что в исламском энциклопедическом словаре использован отсылочный способ толкования слова *намаз* (*намаз* см. *салаят*) [16]. В русскоязычном мусульманском пространстве при религиозной коммуникации отдаётся предпочтение лексеме *намаз*. Несмотря на то, что данная лексема имеет ограниченную рамками исламского дискурса сферу употребления, она достаточно регулярно используется в текстах различного типа: *Прекрасен был дервиш, подобный пророку, с лицом восковым, обращённым к востоку, на коврике драгом творящий намаз.* (Е.А. Евтушенко, 1968). *Мы проводим солнце, обувь скинем и свершим*

Ил. 2. Страницы рукописного Корана XII в.

под звёздным, тёмным, синим милосердным небом свой намаз. (И.А. Бунин, 1915: <https://ruscorpora.ru/>).

Словообразовательный потенциал лексемы намаз представлен несколькими производными лексемами: намазник 1) 'коврик для намаза, мусульманской Молитвы': ковры-намазники для Молитвы, намаза (https://t.me/s/namazniiki_shop); 2) 'одежда для намаза, закрывающая аврат (обычно для женщин)': платья-намазники, намазники для женщин; красивые намазники; намазник с капюшоном; (<https://alfacasting.ru/faq/cto-takoe-namaznik-u-musulman-opisanie-i-naznachenie>). *Нама́зный* 'к намазу относящийся' [Даль: URL]. *Намазная комната*.

Согласно лексикографическим источникам аварского языка, лексема как 'каноническая мусульманская молитва' строго однозначна, используется только в религиозном дискурсе языка: *рогъалил* как 'утренний намаз'; как *ахIузе* 'призвать к намазу'; как *базе* 'совершить намаз'; как *бецIузе* 'возмещать [пропущенный] намаз'; [APC, 2006: 540].

Не случайно употребление указанной лексемы как репрезентанта понятия Молитва в аварском языке подтверждается ещё и наличием устойчивых сочетаний (фразеологизированных), фиксирующих признак канонической Молитвы/намаза как точки отсчёта в номинации определённого периода жизни мусульманки: *какиль гъечIеб* => как балареб => как базе *хIрамаб*; 'не в намазе находящееся время' => 'намаз не совершающая' => 'намаз совершать грешное время'; *какица тарай чIужугIадан* => как балареб *мех букIунарей* => *кидаго* как базе *бегъулей*; 'намазом оставленная женщина' => 'не имеющая времени, когда нельзя совершать намаз' => 'всегда в состоянии совершать намаз'. Аварские паремии фиксируют понятие Как 'молитва' в качестве ориентира для поведенческой, религиозно-этической характеристики мусульманина: например, авар. *Как гурев, кIал гурев* 'Ни молитвы, ни поста' (о вероотступнике).

Ядерные вербальные операторы понятия каноническая Молитва (как – в аварском языке и намаз – в русском) представляют

собой единицы с широкой селективностью, хотя и ограничены рамками религиозного дискурса. Вербальный оператор концепта Молитва-просьба в аварской лингвокультуре — лексема-арабизм *дуа* и русскоязычный эквивалент *дуа* 'мольба, просьба' Ду'а (араб. دعاء) 'мольба, воззвание' (ил. 3).

В исламской картине мира адресатом дуа/мольбы/просьбы является только Всевышний, при обращении к другим инстанциям (к человеку, например) эта лексема не употребляется, что говорит о сакральном статусе данного репрезентанта. Концепт Молитва в русском и аварском языках необходимо рассматривать дифференцировано: как коммуникативный жанр религиозного языка и как религиозный концепт.

Структура исследуемого религиозного концепта Намаз/Как многокомпонентна, что позволяет назвать его фреймом. Инвариантная ситуация, описываемая фреймом каноническая Молитва, в сущности, сводится к модели: «*обращение => восхваление [Бога] и благодарность [Ему] => признание [своей] слабости и покаяние [в грехах] => просьба-мольба => покорность и упование [на Всевышнего]*». Сравним с другим исламским концептом-фреймом Харам, аналогично изложенным в рамках проекта. Инвариантная ситуация, описываемая фреймом Харам: рус. «*грех; проступок => вина => наказание*»; авар. «*запрет => проступок (вина) => наказание*».

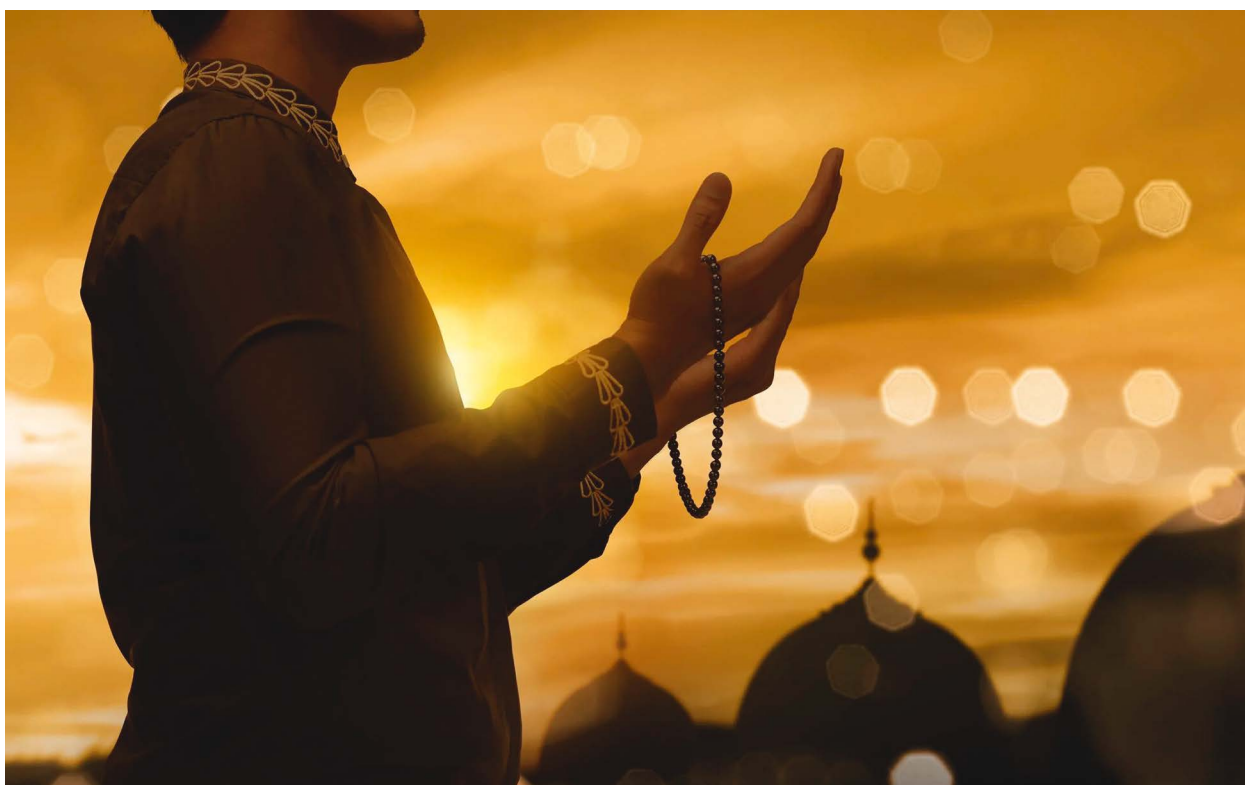
Концепт-фрейм Харам включает следующие признаки: 1) поступки и качества (человека), находящиеся под запретом; 2) запрещённые для употребления предметы и вещества; 3) заповедные (охраняемые) от «плохого» локации; 4) запреты, налагаемые на паломника во время Хаджа. Внутри фрейма выделяются субфреймы, обладающие определённой конфигурацией слотов: вершинными слотами являются «Субъект», «Причина», «Результат» и терминальными — «Степень тяжести последствия», «Время». В русскоязычном исламском дискурсе в Харам объективирован признак «наруше-

ние действием, словом или мыслью воли Бога, религиозно-нравственных предписаний или правил (грех)», а признак «запрет, запрещение нарушения» представлен имплицитно. В аварском языке, наоборот: концептуальный признак «запрет, запрещение нарушения» выражен эксплицитно, признак «грех, проступок» — имплицитен. Любое понятие греха, отступления от законов Бога / Аллаха содержит (явно либо скрыто) идею наказания, расплаты за вину перед Всевышним, следовательно, на периферии концептуального поля представлены соответствующие вербальные операторы: рус. *наказание, кара, возмездие*; авар. *тамихI [гъабизе], къисас, гIазаб, жаза*. См. подробнее в [12].

Концепты религиозного дискурса могут функционировать в различных нерелигиозных контекстах, приобретая особые оттенки значения, с другой стороны, нейтральные (никак не связанные с религиозной сферой) концепты получают особое преломление в рамках религиозного дискурса. Процесс десакрализации семантики тех или иных концептов (например, Харам, Намаз и др.), выявленный в лингвокультуре (духовные тексты, пословичный фонд, народные формулы проклятий), представлен динамическим процессом закрепления в значении лексемы-репрезентанта нерелигиозного компонента смысла и актуализации его в результате регулярного употребления.

Сходства и различия в вербализации того или иного религиозного концепта: 1) могут зависеть от специфики религиозно-языкового сознания человека, его мировосприятия; 2) могут быть обусловлены дискурсом, в котором реализуется концепт, а значит, и объективация проходит в разных картинах мира (религиозной, обыденной и др.) [12].

Анализ лексикографических справочников сопоставляемых языков показал, что лексикографы в словарных статьях учитывают не все концептуальные признаки исследованных репрезентантов, в частности, в толковании лексем *намаз, харам* не ука-

Ил. 3. Религиозная коммуникация (*дуа/дуг'ла*) в неканонической форме

заны несколько лексико-семантических вариантов, что отражается в функциональных возможностях их использования.

Некоторые наблюдения над русскоязычными переводами духовных исламских текстов

Осмысление, интерпретация и перевод религиозных (сакральных) текстов признаются наиболее значимыми явлениями, а исследования, посвящённые указанным вопросам, — перспективными и вызывающими живой научный интерес.

Проведение в рамках проекта теолого-лингвистической экспертизы современных русскоязычных переводов духовной литературы для оценки соответствия эквивалентности перевода тексту-оригиналу, использование языковых маркеров в переводах с учётом культурно-исторической специфики ислама предоставили возможность на большом эмпирическом материале сформулировать рекомендации по устранению несоответствий. При этом ставились задачи определения специфики

русскоязычного перевода, обусловленной феноменом исламской религиозной картины мира, определения неадекватности перевода и искажения смысла [17]; проводились анализ и оценка русскоязычных переводов сакральных текстов с арабоязычными лексемами-этимонами сквозь призму лингвотекстологического, богословского и теолингвистического аспектов [18].

Мы рассмотрели проблему перевода сакральных текстов Корана и Сунны на конкретных примерах, что позволило сделать вывод об условиях адекватного и полноценного перевода на русский язык, не искажающего феноменальность священного Писания. При имеющемся контрасте между арабским и русским религиозно-языковым сознанием можно рекомендовать практикующим переводчикам с арабского на русский реализовать указанную выше модель по известной схеме «сворачивания исходного текста в целостность => разворачивания её на языке перевода». Условием адекватного перевода сакральных текстов с арабского на русский язык может стать

интеграция когнитивно-лингвистических, лингвокультурологических и богословских знаний автора перевода.

На наш взгляд, перевод должен осуществляться с оригинала посредством опоры на арабские и персидские тафсиры, которых насчитывается более десятка. Переводчик должен расшифровать исходную религиозную картину мира, объективированную на языке оригинала коранического Писания, чтобы затем воссоздать её на языке перевода.

Коммуникативно-прагматический аспект реализации исламской коммуникации в речи (проповедь, фетва и др.)

Коммуникативно-прагматический подход, используемый при анализе текстов, позволяет описать жанрообразующие черты, выявить как общее в структурных элементах коммуникативного акта, так и отличительные особенности, свойственные религиозным жанрам коммуникации в конкретной конфессии.

Отдельным направлением реализации нашего проекта явилось исследование специфики религиозной коммуникации в различных жанрах исламского дискурса: язык и стиль мусульманских проповедей/хутба, обращений и фетв представителей духовных управлений, язык исламских СМИ, соцсетей, выступлений богословов на просветительских и дискуссионных площадках, речь озвучки исламских фильмов и др.) в русле коммуникативно-прагматического аспекта. Это особый стиль исламской религиозной коммуникации, который непосредственно связан с отправлением религиозных обрядов мусульман, следовательно, непосредственно связан с текстом Корана. Стиль мусульманской риторики до сих пор почти без изменений используется в религиозной и повседневной жизни мусульман [19].

Язык и религия участвуют в обеспечении религиозной коммуникации посредством жанров проповеди/хутбу, фетвы, мавлида и т.п., целью которых является

донесение до сознания людей определённой области религиозного учения в совокупности с духовными явлениями, т.е. учение о Боге, о мире видимом и вечном, о добродетелях и страстях.

Исследователи христианской (православной, протестантской и др.) проповеди выделяют в качестве традиционных участников коммуникативного акта адресанта (проповедника) и адресата (прихожан), а также «подразумевают участие в этом акте третьего «скрытого коммуниканта» – Бога, который выступает одновременно и как «скрытый наадресант», и как «скрытый наадресат» [20, с. 61]. Коммуникативная ситуация, лежащая в основе мусульманской проповеди, соответствует модели: *Субъект/имам => Объект/мусульмане => Инструмент/Священное Писание/Сунна*. Привлечение Бога/Аллаха в качестве участника акта коммуникации, согласно мусульманскому вероучению, считается неприемлемым. Слово Всевышнего, Сунна Пророка, авторитетное мнение учёных-богословов прошлого – это Инструмент Субъекта.

Используемые в исламском дискурсе посредством особых речевых жанров (проповедь, фетва, мавлид и др.) коммуникативные стратегии, дифференцируясь на общедискурсивные и специфические, представлены в основном в форме: 1) утверждающей; 2) призывающей; 3) оценивающей и 4) контролирующей стратегий.

Исследование русскоязычной мусульманской проповеди, к примеру, проведённое на большом количестве письменных и устных текстов (свыше 940 единиц), типологизация жанра, определения особенностей языка, стилиобразующих средств, позволили сделать некоторые обобщения. Во-первых, русскоязычная исламская проповедь, какой бы тематике ни была посвящена (основам вероучения, практическим вопросам жизнедеятельности верующих или по поводу религиозных праздников и ритуалов), подчинена строгой регламентированности и каноническим традициям жанра. Во-вторых, отсутствие в русском языке специальных лексем, с помощью

Ил. 4. Зикр (поминание Всевышнего) в тасаввуфе

которых можно было бы раскрыть, понять и передать истинное значение исламских реалий, способствует интенсивному процессу узуализации исламской терминологии [21]. В-третьих, широкое употребление арабизмов как стилеобразующих лексических средств проповедей, не заменяя их на существующие в языке эквиваленты, свидетельствует о желании авторов максимально приблизить модель религиозной коммуникации к сакральному языку Корана [22].

Выделяя общности дискурсивных характеристик проповеди в христианской и исламской религиозных картинах мира, отметим, что по своей структуре, композиции, стратегиям коммуникации и аргументации мусульманские проповеди достаточно отличаются от остальных. Прежде всего здесь речь идёт о специфике экспликации исламских реалий на русскоязычной основе. И эти значительные отличия заключаются в том, что стратегии аргументации в мусульманской проповеди, да и в рели-

гиозном дискурсе в общем, направлены на апелляции к авторитету.

Фетва, согласно исламскому энциклопедическому словарю А. Али-заде, «в исламском праве разъяснение какой-либо проблемы религиозно-правового характера, а также ответ на вопрос религиозного характера, который даёт компетентный человек» [18]. Согласно Словарю иностранных слов русского языка, *Фётва* (араб.) – заключение муфтия по религиозной, юридической или общественной проблеме, основывающееся на Коране, Сунне и Шариате.

Фетва содержит в себе введение (постановка проблемы), описание проблемы, аргументированную часть (обоснование) и повеление (установленное правило поведения). Основную часть ответа-разъяснения в фетве занимает аргументация с опорой на сакральные тексты Корана, Сунны и авторитетных учёных-богословов.

Перспективным считаем исследование различных жанров религиозной коммуникации мусульман, дискурсивно-праг-

матических механизмов экспликации теологической мысли и коммуникации в мультязыковом пространстве. В этой области исламской теолингвистики и прагмалингвистики имеется большой пробел.

Вместе с тем исследованы ключевые характеристики уникального религиозного вида коммуникации *Ното religious* с Аллахом (коммуникативная модель суфийских текстов; феномен игры в суфийской коммуникативистике, эпистолярный жанр в суфийской коммуникативистике и др.) [23], позволившие вскрыть механизмы специфической (суфийской) коммуникативной модели (ил. 4).

Особую остроту на современном этапе приобретают также социоллингвистические проблемы, связанные с использованием русского языка как инструмента коммуникации в религиозных (исламских) институтах (проведение хутбы — пятнич-

ной проповеди в мечетях; делопроизводство на русском в духовных управлениях и муфтиятах; язык исламской журналистики, в том числе особенности функционирования русского как языка исламских интернет-порталов; обучение культуре русской речи в исламских учебных заведениях; выступления богословов в СМИ; подготовка правильных переводов духовной (исламской) литературы и т.п.)

Вопрос о перспективности, востребованности и необходимости дальнейшего исследования специфики анализируемого феномена в силу доминирующей и определяющей роли религиозной коммуникации в контексте жизнедеятельности человека и общества в целом тесно связан с вопросами духовной и информационной безопасности этого общества и личности в нём. Поэтому считаем высоко значимыми поставленные и решённые в проекте задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысак И.В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. Ч. II. С. 134–137. https://iues.sfsedu.ru/wp-content/uploads/2016/09/Lysak_Interdisciplinarity.pdf.
2. Плунгян В.А. Русский язык: современное состояние, словари, проблемы усвоения и обучения (Комплексные исследования) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2 (109). С. 9–16. DOI 10.22204/2587-8956-2022-109-02-9-16.
3. Ашурова Д.У. Междисциплинарный подход к исследованию языка // Нижневартковский филологический вестник. 2021. № 2. С. 127–137. https://www.researchgate.net/publication/356798614_Interdisciplinary_approach_to_language.
4. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167.
5. Буевич А.А. Взаимоотношение языка и религии сквозь призму духовно-религиозного кода русской лингвокультуры // Метафизика. 2016. № 4 (22). С. 111–122.
6. Бугаева И.В. Язык православных верующих в конце XX – начале XXI века: Монография. М., 2008.
7. Гадомский А.К. Русская теолингвистика: история, основные направления исследований // Стил. 2010. № 9. С. 357–374.
8. Постовалова В.И. Религиозные концепты в православном мирозерцании (опыт теоллингвистического анализа) // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 127–148.
9. Исламский дискурс в мультязыковом пространстве: теоллингвистический подход / П.А. Магомедова, М.А. Гасанова, Н.Э. Гаджихмедов, А.М. Кангиева. Махачкала: АЛЕФ, 2023.
10. Magomedova P.A. Islamic Theolinguistics in the Context of Interdisciplinary Research: Religious Thoughts and Communication in a Multilingual Space // Cultural Perspectives. 2023. Vol. 28. Pp. 117–152. DOI: 10.29081/cp.2023.28.06.

11. Казиева А.М. Концептуализация дискурса ислама в современной России: когнитивно-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики/ Philology. Theory & Practice, 2024. Т. 17. Вып. 11 С. 4186–4191. <https://philology-journal.ru/article/phil20240590/fulltext>.
12. Магомедова П.А. Опыт семантико-когнитивного моделирования религиозной картины мира в разноструктурных языках (на примере концепта ХАРАМ) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 150–182. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-150-182.
13. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2000.
14. Абу Джафар Ат-Тирмизи. Сунан Ат-Тирмизи. Бейрут: Дар аль-Муассаса ар-Рисаля ан-Наширун, 2015.
15. Баранов К.Х. Большой арабско-русский словарь: В 2 т. 11-е изд. Стереотип / К.Х. Баранов. М.: Живой язык, 2006.
16. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007.
17. Магомедова П.А. Исламский дискурс: проблема адекватности перевода религиозных текстов с арабского на русский / П.А. Магомедова, М.П. Гаджиев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 178–185.
18. Магомедова П.А. Семантический портрет и механизм функционирования лексем-этимонимов в сакральном тексте Корана и в его переводах на русский язык (теолингвистический аспект) / П.А. Магомедова, А.А. Магомедов // Исламоведение. 2024. Т. 15. № 1 (59). С. 63–76. DOI 10.21779/2077-8155-2024-15-1-63-76.
19. Жулинская А.С. Жанровое пространство религиозных текстов // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». Т. 18 (57). 2005. № 2. С. 198–203.
20. Боженкова Р.К. Структурно-композиционные особенности православной (русскоязычной) и протестантской (англоязычной) проповеди / Р.К. Боженкова, Н.А. Боженкова, Д.В. Атанова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 1 (18). С. 56–63.
21. Александрова О.И. Русскоязычный исламский дискурс в интернет-пространстве // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: Сборник статей I Международной научно-практической конференции, Москва, 8–9 февраля 2017 г. М.: Российский университет дружбы народов, 2017. С. 66–72.
22. Ицкович Т.В. Мусульманские проповеди на русском языке: коммуникативно-прагматический аспект / Т.В. Ицкович, А. Туголбайкызы // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2019. Т. 7. № 2 (14). С. 47–62. DOI: 10.29252/iarll.13.2.47.
23. Магомедова П.А. Homo ludens в суфийской коммуникативистике (теолингвистический аспект) / П.А. Магомедова, А.М. Кангиева // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 1. С. 41–56. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-3.

Aspects of Study of Religious (Islamic) Discourse in Multilingual Space

Patimat Aripovna Magomedova — Doctor of Philology, professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Dagestan State University, head of the project “Islamic Discourse: Theological Thought and Communication in the Russian-Speaking Environment” (21-011-44245).

E-mail: p_magomedova@mail.ru

The article studies the results of the interdisciplinary (theological & linguistic) project “Islamic Discourse: Theological Thought and Communication in the Russian-Speaking Environment”, aimed at solving the general problem of forming an original general theory of Islamic discourse (with its theoretical and experimental verification) by establishing linguistic-cultural, cognitive-semantic,

communicative-pragmatic and sociolinguistic mechanisms for the implementation of religious thought and communication of Muslims in the linguistic space. The author notes that the language of Muslim believers is an independent microsystem marked by specific characteristics and provides multidimensional opportunities of operation. A comprehensive interdisciplinary approach, which was due to the multidimensional and diverse nature of the studied subject, uncovered new theoretical knowledge that fits the overall picture of both domestic and foreign theolinguistics. The research was carried out in several areas: 1) linguistic & cultural (research of language and religion from the viewpoint of the religious code of the national linguistics and culture, i.e. features of the content and operation of concepts in both Russian-speaking and multilingual Islamic discourse); 2) cognitive & semantic (establishment of mechanisms for semantic-cognitive modeling of key conceptual areas relevant to the religious and linguistic consciousness of Muslims); 3) communicative & pragmatic (study of the linguistic manifestation of religious communication in various genres of Islamic discourse: sermon, fatwa, etc.); 4) comprehensive development of the problems of adequate translation of Muslim spiritual texts into Russian. The description of religious discourse as an interdisciplinary field of knowledge highlights the need to use specific methods and techniques for studying the material. One of them is a synthesis of linguosemiotic, linguacultural and theoconceptual methods, which allows to describe the content of a concept not only at the linguistic and cultural-historical levels, but also at the spiritual-worldview level, resulting in revealing the "spiritual meanings" of doctrine represented at the language level.

Keywords: religious concept, Islamic discourse, theolinguistics, religious communication, spiritual texts, translation problems, comparative linguoconceptology, polylinguistic space

REFERENCES

1. Lysak I.V. Mezhdistsiplinarnost' i transdistsiplinarnost' kak podkhody k issledovaniyu cheloveka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 6. Ch. II. С. 134–137. https://iues.sfedu.ru/wp-content/uploads/2016/09/Lysak_Interdisciplinarity.pdf (in Russian).
2. Plungyan V.A. Russkii yazyk: sovremennoe sostoyanie, slovari, problemy usvoeniya i obucheniya (Kompleksnye issledovaniya) // Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2022. № 2 (109). S. 9–16. DOI: 10.22204/2587-8956-2022-109-02-9-16 (in Russian).
3. Ashurova D.U. Mezhdistsiplinarnyi podkhod k issledovaniyu yazyka // Nizhnevartovskii filologicheskii vestnik. 2021. № 2. С. 127–137. https://www.researchgate.net/publication/356798614_Interdisciplinary_approach_to_language (in Russian).
4. Bobyreva E.V. Religiozniy diskurs: tsennosti i zhanry // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2008. № 1. S. 162–167 (in Russian).
5. Buevich A.A. Vzaimootnoshenie yazyka i religii skvoz' prizmu dukhovno-religioznogo koda russkoi lingvokul'tury // Metafizika. 2016. № 4 (22). S. 111–122 (in Russian).
6. Bugaeva I.V. Yazyk pravoslavnykh veruyushchikh v kontse XX – nachale XXI veka: Monografiya. M., 2008 (in Russian).
7. Gadomskii A.K. Russkaya teolingvistika: istoriya, osnovnye napravleniya issledovaniy // Stil. 2010. № 9. S. 357–374 (in Russian).
8. Postovalova V.I. Religioznye kontsepty v pravoslavnom mirosozertsanii (opyt teolingvisticheskogo analiza) // Kritika i semiotika. 2014. № 2. S. 127–148 (in Russian).
9. Islamskii diskurs v mul'tiyazykovom prostranstve: teolingvisticheskii podkhod / P.A. Magomedova, M.A. Gasanova, N.E. Gadzhiakhmedov, A.M. Kangieva. Makhachkala: ALEF, 2023 (in Russian).

10. Magomedova P.A. Islamic Theolinguistics in the Context of Interdisciplinary Research: Religious Thoughts and Communication in a Multilingual Space // Cultural Perspectives. 2023. Vol. 28. Pp. 117–152. DOI: 10.29081/cp.2023.28.06.
11. Kazieva A.M. Kontseptualizatsiya diskursa islama v sovremennoi Rossii: kognitivno-pragmaticheskii aspekt // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki/ Philology. Theory & Practice, 2024. T. 17. Vyp. 11 S. 4186–4191 <https://philology-journal.ru/article/phil20240590/fulltext> (in Russian).
12. Magomedova P.A. Opyt semantiko-kognitivnogo modelirovaniya religioznoi kartiny mira v raznostrukturnykh yazykakh (na primere kontsepta KHARAM) // Nauchnyi dialog. 2023. T. 12. № 4. S. 150–182. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-150-182 (in Russian).
13. Efremova T.F. Novyi slovar' russkogo yazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi: V 2 t. M.: Russkii yazyk, 2000. (in Russian).
14. Abu Dzharfar At-Tirmizi. Sunan At-Tirmizi. Beirut: Dar al'-Muassasa ar-Risalya an-Nashirun, 2015.
15. Baranov K.Kh. Bol'shoi arabsko-russkii slovar': V 2 t. 11-e izd. Stereotip / K.Kh. Baranov. M.: Zhi-voi yazyk, 2006 (in Russian).
16. Ali-zade A. Islamskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Ansar, 2007 (in Russian).
17. Magomedova P.A. Islamskii diskurs: problema adekvatnosti perevoda religioznykh tekstov s arabskogo na russkii / P.A. Magomedova, M.P. Gadzhiev // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Philology. Theory & Practice. 2022. T. 15. Vyp. 1. S. 178–185 (in Russian).
18. Magomedova P.A. Semanticheskii portret i mekhanizm funktsionirovaniya leksem-etimonov v sakral'nom tekste Korana i v ego perevodakh na russkii yazyk (teolinguvisticheskii aspekt) / P.A. Magomedova, A.A. Magomedov // Islamovedenie. 2024. T. 15. № 1 (59). S. 63–76. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-1-63-76 (in Russian).
19. Zhulinskaya A.S. Zhanrovoe prostranstvo religioznykh tekstov // Uchyonye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya». T. 18 (57). 2005. № 2. S. 198–203 (in Russian).
20. Bozhenkova R.K. Strukturno-kompozitsionnye osobennosti pravoslavnoi (russkoyazychnoi) i protestantskoi (angloyazychnoi) propovedi / R.K. Bozhenkova, N.A. Bozhenkova, D.V. Atanova // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2016. № 1 (18). S. 56–63 (in Russian).
21. Aleksandrova O.I. Russkoyazychnyi islamskii diskurs v internet-prostranstve // Russkii yazyk v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura: Sbornik statei I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 8–9 fevralya 2017 g. M.: Rossiiskii universitet дру-збы народов, 2017. S. 66–72 (in Russian).
22. Itskovich T.V. Musul'manskie propovedi na russkom yazyke: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt / T.V. Itskovich, A. Tugolbaikyzy // Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury. 2019. T. 7. № 2 (14). S. 47–62. DOI: 10.29252/iarll.13.2.47 (in Russian).
23. Magomedova P.A. Homo ludens v sufiiskoi kommunikativistike (teolinguvisticheskii aspekt) / P.A. Magomedova, A.M. Kangieva // Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki. 2022. T. 8. № 1. S. 41–56. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-3 (in Russian).